

An abstract painting with a complex, swirling pattern of colors. The top portion is dominated by vibrant reds and oranges, transitioning into a dense, chaotic mix of dark blues, greys, and whites in the lower two-thirds. The overall effect is one of intense energy and movement.

Ольга Морозова

Наваждение

18+

Ольга Юрьевна Морозова

Наваждение.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70092454

SelfPub; 2023

Аннотация

Судьба порой делает странные и непредсказуемые зигзаги, затягивая в водоворот событий, исход которых нельзя предугадать заранее. Именно так поступает провидение с героем книги. Спустя много лет ему приходится отвечать за поступки, совершенные когда-то давно.

Ольга Морозова

Наваждение

Я прошелся по парку, чтобы немного успокоиться. Сколько же времени прошло с тех пор? Двадцать лет? Или, может, больше? Господи, как же давно! Целая вечность, а мне все кажется, это было вчера. Сколько же лет мне тогда было? Двадцать? Или двадцать один? Я учился на третьем курсе факультета журналистики, и был примерным мальчиком. В меру современным, успевшим узнать вкус студенческой жизни и прелести общежития. Немного попробовавшим и то и это, и в связи с этим почитавшим себя весьма многоопытным. У меня уже были подруги, и я смотрел немного свысока на тех парней, у которых их не было. И, как почти все молодые люди, я имел слегка завышенное мнение о своей персоне. Я даже улыбнулся, вспомнив это. Почему так глупа молодость? Или это касается только отдельных личностей? Таких, как я, например.

Тогда из всех динамиков доносилось : « Берег золотой, берег золотой Варадеро, Куба далека, Куба далека, Куба рядом...» И я даже представить не мог, насколько рядом окажется для меня этот золотой берег.

У нас в институте набирали группу молодых журналистов для летней поездки на Остров Свободы. О моей скромной

особе речь не шла, и я даже не думал об этом. Но кто-то там отказался, или заболел, и ректор предложил это место мне. Я был на курсе одним из лучших, и это было, конечно, логично. Но у каждого генерала был свой сын, а у меня отца-генерала не случилось. Но на этот раз судьба сделала свой зигзаг в мою сторону. Потом я много раз имел возможность удивиться действию рока – если что-то должно произойти в твоей жизни, это обязательно произойдет. Сейчас я, конечно, уже не так удивляюсь ни хорошим, ни плохим неожиданностям, а тогда я сразу же оказался на седьмом небе. Это еще больше повысило мою самооценку, и я почитал себя уже чуть ли не гением отечественной журналистики.

Нас взяли из разных групп, и мы плохо знали друг друга. К тому же, между нами существовала конкуренция – мы должны были написать серию репортажей и статей о Кубе, и лучшему из нас будет обеспечено место в одной из центральных газет. Это казалось пределом мечтаний. Я уже представлял, что это окажусь непременно я, я видел себя крупным журналистом-международником, ведущим репортажи их разных стран, и бывающем дома только наездами. Почему-то такая разъездная жизнь представлялась мне очень привлекательной.

Кубы встретила нас 30-ти градусной жарой, сопровождающейся высокой влажностью. После весьма умеренно климата Москвы мне показалось, что я вышел прямо в баню. Но

даже это не могло умерить моего восторга – я был в другой стране! За тысячи километров от дома. Кто не жил в Советском Союзе вряд ли способен понять меня, и мое чрезмерное ликование. Но для меня это было так. Обливаясь потом, мы доковыляли до автобуса и направились к месту нашего размещения – небольшой гостиницы вблизи советского посольства в Гаване. Я жадно рассматривал пейзажи через окно, и вскоре совсем перестал замечать жару. Пейзаж в целом не поражал разнообразием, и я был немного разочарован. Часть дороги шла вдоль пляжей, и я невольно любовался океаном, который до этого никогда не видел.

Гостиница больше напоминала общежитие, но вряд ли это могло расстроить молодого человека 20 лет, обуреваемого жадной романтики. Мы должны были жить в комнатах по два человека, где душ и туалет были общими на этаже. Наши руководители огласили нам программу. Мы должны были посещать всякие мероприятия, у нас были запланированы встречи с представителями различных социальных слоев, ходить по музеям и историческим достопримечательностям, коими, кстати сказать, Гавана весьма славилась. Наша цель – создать в умах наших читателей образ маленькой гордой и свободной страны, прекрасно и счастливо живущей без своего старшего брата – Америки. Ее новый брат, Советский Союз, протянул ей в трудную минуту руку помощи, и помог сбросить иго многолетнего рабства. И теперь, веселая и свободная, страна поет и пляшет, благословляя освободи-

телей. Примерно такой должна быть тональность наших репортажей и очерков. Я не был фанатиком-правдолюбцем, и не собирался вступать в неравный бой с системой, по примеру Чацкого. Я собирался сделать то, что от меня хотят, и получить место в центральной газете. Для начала внештатным сотрудником, а после института и постоянное. Если к твоей мечте ведет такая дорога, то почему бы не пойти по ней? К тому же, я неплохо знал испанский, на котором говорила Куба, и это было еще одним моим несомненным преимуществом. Я мог спросить то, чего не могли другие, услышать то, что они не могли, и возможно, что даже этот факт сыграл за меня, когда принималось решение, кого же сюда отправить. А испанский я знал по одной простой причине – моя мать преподавала его на специализированных курсах, и считала своим долгом научить ему меня. У меня врожденные способности к языкам, и я освоил его, даже не прикладывая особых усилий. О поступлении в институт международных отношений нечего было и думать, но на факультет журналистики мне удалось попасть. Я повторял про себя испанские слова, фразы, которые могли мне пригодиться, и улыбался – кроме меня в группе никто не владел испанским, и я это знал.

Вскоре мое знание сыграло со мной злую шутку. Наш руководитель, кажется его звали Леонид Григорьевич, всюду таскал меня с собой в качестве переводчика, и это меня начинало злить, потому что я никак не мог сосредоточиться

на своем материале. У нас оставалось немного свободного времени, нам обменяли деньги на мелкие расходы, и я понемногу изучал окрестности. Это приходилось делать поздним вечером, потому что другого времени у меня не было. Я брал фотоаппарат, и отправлялся на прогулку. Гавана мне нравилась, и очень хотелось увидеть ее именно своими глазами, без чьего-либо сопровождения. Я снимал понравившиеся мне виды, выпивал чашечку кофе в местном кафе-террии, изредка украдкой позволяя себе пропустить стаканчик рома. Я забирался все дальше и дальше, благо ночью жизнь не замирала, а проблем с общением у меня не было. Я любил ходить на набережную, расположенную в восточной части города, и смотреть на воду. Раньше Мексиканский залив я видел только на карте, и он был для меня весьма отвлеченным понятием. Но теперь я часами наблюдал, как тихо плещутся волны, как солнце садится за горизонт, пока совсем не темнело. Мне нравилось фотографировать закат и полосу прибоя, и я, не жалея, тратил на это пленку.

Я почти ни с кем коротко не сошелся здесь, но огорчаться по этому поводу не собирался. Одинокие прогулки приносили мне массу наслаждения.

Но однажды мирное течение моей кубинской жизни прервалось событием, на первый взгляд совершенно безобидным, но оказавшим влияние на всю мою дальнейшую жизнь. Как-то раз, по обыкновению прогуливаясь вдоль пляжа, я увидел девушку. Она стояла спиной ко мне, но по моей спи-

не почему—то пробежали мурашки, а во рту пересохло. Она была в светлом платье, с распущенными волосами, и показала мне очень хрупкой и беззащитной. Ветер трепал ее темные волосы, но она даже не пыталась их поправить, а просто стояла и смотрела на воду, совершенно неподвижно. Я отнюдь не был скромником, и потому решил подойти.

— Синьорина! — Я окликнул ее, девушка обернулась, и я увидел, какие огромные и бездонные у нее глаза. — Разрешите сфотографировать вас на фоне заката. Это потрясающее зрелище, просто очень красиво! Я журналист. Начинающий.

Она улыбнулась и пожала плечами, что видимо, означало «да». Я поцелкал ее, и мы познакомились. Девушку звали Тереза. Я спросил ее, почему она грустит здесь в одиночестве, но она ответила, что ничего страшного, просто любит смотреть на воду. Она часто приходит сюда, когда есть свободное время, и гуляет здесь. У нее были необычно тонкие руки, как у музыканта, и мне вдруг захотелось взять ее за руку и погладить ее пальцы. Я смутился от внезапно нахлынувшего желания, и предложил девушке поесть мороженого в близлежащем кафе и выпить по чашечке кофе. Она хотела что-то сказать, но я опередил ее:

— Это плата за фото. Я украсу им свой репортаж, если вы не против.

Тереза кивнула. Мы пошли вдоль набережной в поисках кафе, и я что-то болтал без умолку. Тереза слушала меня, улыбалась, иногда смеялась тихим смехом, а я старался во

всю. Я просто из кожи лез, чтобы произвести на нее впечатление. И, судя по ее реакции, я самонадеянно подумал, что мне это удалось как нельзя лучше.

Я привел свою даму в кафе, и мы уселись за столик. Я заказал два мороженых, два кофе, и хотел было заказать ром, но Тереза решительно отвергла этот напиток.

– Я не могу, простите. Мне завтра очень рано вставать.

– Ну и что? Мне тоже рано. – Я был почти возмущен.

– Я не буду алкоголь. Лучше я уйду. – Она встала со стула.

Я испугался, что она так и сделает, потому как выглядела она очень решительно.

– Простите, Тереза. Не уходите, пожалуйста. – Я бросил на нее умоляющий взгляд, и она села на место. – Все будет, как вы хотите. – Я понял, что перебрал, и ругал себя последними словами. – Расскажите немного о себе. Я журналист, пишу очерк о вашей стране и ее жителях. Вы первый человек из народа, с которым мне посчастливилось поговорить просто так. Вы работаете?

Да, она работала. Официанткой в кафе. Ей восемнадцать лет, она приехала из деревни, где у нее осталась большая семья. Там нет работы, и ее отправили сюда, к тете. Тетя помогла устроиться. Они живут недалеко от того места, где он я ее встретил. Тетя относится к ней хорошо, но она очень строгая. Почти никуда ее не отпускает. У тети есть два сына и муж, которые большую часть времени проводят на заработках. Ее, Терезу, все устраивает, и она не жалуется. Ей

нужно зарабатывать много денег, чтобы отсылать в деревню, и помогать тете. В доме у нее есть своя комната. – Тереза грациозно облизывала ложку от мороженого.

– И сколько часов в день вы работаете?

Она пожала плечами.

– Пока есть посетители, – но, увидев, как взлетели мои брови в немом удивлении, поспешила добавить, – в будни много народу не бывает, только по выходным, так что я не очень устаю. – Она уже выпила свой кофе и доела мороженое. – Мне пора. Уже поздно, тетя будет меня искать.

– Вы ее боитесь?

– Нет, – Тереза слегка покраснела. – У меня сегодня выходной. Но вечером я обещала ей помочь со стиркой.

Господи! Еще и стирка. Я был шокирован, что восемнадцатилетняя девчонка вынуждена работать от зари до зари, чтобы прокормиться.

– Я провожу тебя, то есть вас, – я вскочил следом за ней, боясь, что она исчезнет быстрее, чем я успею ее встать со стула.

Мы пошли в обратном направлении. Уже стемнело, воздух возле воды был насыщен особенными морскими ароматами, и я с наслаждением вдыхал его. Тереза спросила, как мне нравится страна, и я выразил полный восторг. Мне показалось, что мы дошли за мгновение, хотя путь был не очень близкий. Я высказал желание довести ее до дома, но она испуганно отпрянула от меня.

– Нет! Я дойду сама. Меня здесь все знают.

Я сглотнул слюну и решился.

– Мы не могли бы увидеться еще? Просто погулять. Вы покажете мне город. Я заплачу вам, у меня есть деньги. Хочется побольше увидеть... – мне казалось, что я выгляжу жалко и глупо, но я ничего не мог с собой поделать – Тереза прямо околдовала меня. Возможно, это была просто дань романтике дальних стран, океану, морскому бризу, но тогда я не рассуждал. Я слушал биение своего сердца и отчаянно хотел увидеть ее еще.

Тереза на мгновение задумалась, но вдруг решительно тряхнула головой.

– В понедельник тетя занята, и я могу прийти сюда пораньше. Я покажу вам город.

Мне показалось, что Тереза немного зажата, но я приписал это ее природной стеснительности. Ее согласие окрылило меня, и я полетел в гостиницу, ломая голову, как мне побыстрее закончить с официальными мероприятиями и вырваться на свободу. Впереди было два выходных, которые я не знал, как пережить.

В гостинице я плюхнулся на кровать, и попытался заснуть. Моего соседа не было на месте, и я порадовался этому – терпеть не мог расспросов. Почти все в нашей группе были дети мажоров, высокомерные и заносчивые, любящие порассуждать о «прикидах» и прочей ерунде, они неохотно пускали чужих в свой круг. Сейчас я был этому несказанно рад. Их

проблемы и горести мало интересовали меня – все мои мысли заняла Тереза. Я крутился с боку на бок, но заснуть мне не удавалось. Тогда я прекратил эти бесплодные попытки, открыл глаза, уставился в потолок и начал фантазировать. Я позволил своим мыслям зайти немного дальше дозволенного, представляя, как мы с Терезой купаемся обнаженными в ночном море. На пляже нет ни души, и мы занимаемся любовью прямо на теплом песке. От этих фантазий внизу живота у меня стало жарко, и я побежал в душ. Потом, постояв несколько минут под струями теплой воды, я расслабился и уснул до самого утра.

В выходные у нас было немного мероприятий, и нам разрешалось заняться своими делами. Я привел в порядок одежду, потом бесцельно побродил по окрестностям, снимая все подряд. Вечером наш шеф объявил нам, что завтра утром мы едем на сахарный завод, расположенный за городом. Там мы можем взять интервью у рабочих и служащих, и поснимать немного. Поездка заняла целый день, а на обратном пути шеф подошел ко мне и сказал, что завтра я понадоблюсь ему для одного дела. Я испугался, что моя встреча может сорваться, и осторожно спросил, что это за дело?

– Да так, пустяки, меня пригласили в гости. – Он неопределенно повращал кистью руки. – Хочу кое-что купить... – он опять сделал неопределенный жест, – так как?

– Это надолго? – Я чувствовал, что слегка обнаглел, но просьба была неофициальной, и видимо, не совсем закон-

ной. Я подозревал, что это мелкая контрабанда.

– Утром, потом ты свободен. Что, есть дела? – Он загорщиически подмигнул мне.

Я криво усмехнулся.

– Идет.

Мы посмотрели друг на друга как два разведчика в тылу врага, и он отошел на свое место впереди салона. Судьба буквально ворожила мне.

В понедельник, после занудливых переговоров с какими-то подозрительными личностями, показавшихся мне бесконечными, мой шеф наконец-то отпустил меня. Я помчался в гостиницу, умылся, переоделся, и отправился на место встречи с Терезой. Я думал, что мне придется ее ждать, но, как ни странно, она уже была здесь. На ней было светлое хлопчатобумажное платье в мелкий цветочек с пышной юбкой и узким лифом, которое очень шло ей, а руке она держала небольшую белую сумочку. Тереза явно готовилась к встрече со мной, и это чрезвычайно мне польстило. Она не сразу заметила меня, потому что видно о чем-то задумалась, глядя на прибор, мерно шуршащий галькой. Я подошел к ней сзади и закрыл глаза. Она слегка вздрогнула, накрыла мои руки своими ладонями, и я почувствовал, какие они холодные.

– Стась? – Она очень мягко произносила мое имя, на польский манер.

Я убрал руки, и она повернулась. На лице ее заиграла улыбка, она смущенно опустила глаза, и я понял, что она немного стесняется, что пришла первой. Я поспешил ее успокоить.

– Как я рад тебя видеть! Ты чудесно выглядишь! – Тереза слегка покраснела. – Куда пойдём?

– Я проведу тебя по городу, покажу очень интересные места. Там нет туристов, но там настоящая Куба. У меня есть немного больше времени, чем обычно. Мы будем танцевать, ладно? Ты любишь танцы?

Я кивнул. Даже если бы она сказала, что мы спустимся в преисподнюю, я бы с радостью согласился. По пути мы остановились возле рынка и купили колоритную шляпу, которую Тереза нахлобучила мне на голову. Я чувствовал себя полным идиотом, но был совершенно счастлив. Ни до того, ни после того, мне никогда не удалось больше воспроизвести то состояние абсолютного счастья и довольства жизнью, как тогда.

Сейчас я даже не могу вспомнить, как назывались те улочки и местечки, по которым мы бродили. Тереза называла их мне, но они не задержались в моей памяти, поскольку не имели для меня особого значения. Мы танцевали в кафешках под открытым небом, пили ром, болтали всякие глупости и смеялись. Мы посетили множество значных мест, нигде не засиживаясь подолгу. К концу вечера мы оказались на пляже с бутылкой рома. Было темно, народу уже не бы-

ло, кроме нескольких целующихся парочек. Я был в приподнятом настроении, но голова у меня немного кружилась от рома и танцев. Тереза была так близко, что на меня снова нахлынули мои давешние фантазии, и я осмелел и обнял ее. Она не оттолкнула меня, а прижалась теснее, и я не удержался от соблазна поцеловать ее. Она ответила на мой поцелуй, ее губы пахли ромом и морем, и поцелуй затянулся, грозя перерасти во что-то большее. Но ничего не случилось. Позади нас послышались шаги по песку, и мы оторвались друг от друга. Я хлебнул рома прямо из бутылки, чтобы прийти в себя, Тереза посмотрела на часы, охнула и засобиралась домой. Я рвался проводить ее, но она была категорически против. Тогда я взял с нее обещание встречаться каждый понедельник. Она пообещала – в понедельник у нее часто бывал выходной.

С тех пор начались наши встречи. Спустя недолгое время мы стали встречаться чаще, в основном по будням. В выходные Тереза была очень занята, и мне приходилось проводить их в одиночестве. Я совсем забросил свой очерк, живя только расписаниями наших встреч. В один из дней, очень дождливый и пасмурный, нам некуда было особенно податься, мы выпили кофе в кафе, и я заметил, что Тереза немного нервничает. Я спросил, в чем дело? Она загадочно посмотрела на меня, словно думая, стоит мне сказать или нет? Я взял ее за руку и прижал ее к своим губам. Тереза решилась.

– Тут недалеко есть гостиница, хочешь, зайдем? Там бар и дискотека...

Хотя ее предложение выглядело вполне невинно, я сразу понял, о чем идет речь. Сердце заухало в моей груди, и я кивнул. Гостиница была старой и грязной, но меня это не смущало. Где-то сбоку грохотала музыка, но я прошел к стойке и заказал номер на двоих. Порттье равнодушно взял деньги и дал нам ключ, даже не посмотрев в сторону Терезы.

Мы поднялись наверх и вошли в номер. Обстановка оставляла желать лучшего, комната была неряшливой и выглядела как помещение в потасканном борделе, с аляповатыми шторами и кроватью, заправленной розовым покрывалом. Я взял с собой бутылку рома и фрукты. За неимением других мест, мы сели прямо на кровать, и я налил нам ром. Тереза немного смущалась, и я тоже вдруг оробел. Я мечтал об этом все время, что мы встречались, но когда это случилось, на меня напало что-то вроде столбняка. Мы много целовались с Терезой, но дальше этого не шло, и вот теперь... Тереза потянулась за апельсином, платье ее задралось, обнажив смуглое гладкое бедро, и тут меня прорвало... Я рывком притянул ее к себе, и начал исступленно целовать в лицо, шею, губы. Она запрокинула голову, платье сползло с плеча, и мои губы спустились ниже, а поцелуи сделались более страстными. Тереза сама расстегнула молнию, и скинула платье. На ней было ярко-розовое кружевное белье, и я краем своего разгоряченного сознания понял, что она гото-

вилась к тому, что сейчас происходит...

Для меня это была волшебная ночь. Ощущение счастья было таким острым и пронзительным, что мне хотелось кричать. Буря чувств переполняла меня, и я готов был прыгнуть с балкона, чтобы затушить этот пожар. Я не знаю, значила ли эта ночь для нее то же, что и для меня, она всегда выглядела немного отстраненной, но мне казалось, что моей любви с избытком хватит на нас двоих. К моему чувству примешивалась романтика чужой страны, и эта гремучая смесь кружила мне голову так, что я с трудом держался на ногах... В тот раз Тереза разрешила мне проводить ее до дома, остановившись на некотором удалении от входа.

Потом мы еще несколько раз ходили в ту гостиницу, но на ночь мы уже не оставались. Тереза вечно спешила, боялась тетю, и все мои уговоры не оказывали на нее должного воздействия. Полностью находясь во власти своей любви, я не заметил, как прошло время. До отъезда оставалось всего ничего, и мое настроение ухудшалось с каждым днем. Я не мог себе представить, как я буду обходиться без Терезы, и не знал, что мне делать. Я до последнего не хотел говорить ей, что скоро мы уезжаем, но за две недели все-таки сказал. Мы сидели на пляже, опустив ноги в воду, и слушали шум накачивающих на берег волн. Она грустно посмотрела на меня, улыбнулась печальной улыбкой и пожелала счастливого пути. Я притянул ее к себе и стал неистово целовать, твердя,

как заведенный, что люблю ее. Кажется, я что-то говорил о том, что скоро вернусь, или заберу ее, что-то донельзя глупое и вздорное. То, что я знал, никогда не будет, и потому еще более пошлое. Тереза молчала, очевидно, тоже сознавая это, но щадя меня и мои чувства к ней. Против обыкновения она не пошла домой в назначенное время, а скинула платье и позвала меня купаться. У нее не было купальника, но мы сидели в тихом месте за большим валуном, и было уже совсем темно. Я тоже скинул одежду и пошел за ней. Море ласково обволакивало разгоряченное тело, его прикосновение было теплым и приятным. Мы занялись любовью прямо в воде, потом продолжили на берегу, но грусть не оставляла меня ни на минуту. Это было что-то вроде акта прощания или расставания. Того безнадежного расставания, которое носит оттенок фатальности. В душе я пролил море слез, но ночь скрыла мою печаль, и я был ей за это благодарен. Когда мы оделись и пошли с пляжа домой, Тереза сказала:

– Прощай. Мне было очень приятно познакомиться с тобой. – Эта фраза оглушила меня, потому что прозвучала, как в учебнике иностранного языка для начинающих. – Я больше не приду. Пока. Счастливого пути.

– Тереза... – Я сам не понимал, чего я жду от нее в такой ситуации, но ее слова сильно разочаровали меня. Наверное, я хотел слез и истерик, поцелуев и жарких объятий, клятв в вечной любви и обещаний ждать до гробовой доски. Но ничего этого не было, и на меня будто вылили ушат ледяной

воды.

Тереза будто поняла смятение моих чувств, и улыбнулась.

– Прости, я... не нужно заходить слишком далеко, иначе будет очень больно... очень–очень больно... мне нужно работать, я кормлю семью... мне нельзя тебя любить... – мне показалось, что я заметил слезы в ее глазах, но она отвернулась и быстро пошла вперед...

Я еще долго стоял, как соляной столб, а потом медленно поплелся в свою гостиницу.

А потом я совершил глупейший поступок, который нанес моему светлому чувству тяжелый удар.

До отъезда оставалось время, и я мучительно захотел увидеть Терезу еще раз. Как–то вечером, за несколько дней до возвращения на родину, я пошел к ее дому и стал ждать, притаившись в густых зарослях, в надежде встретить ее и поговорить. Я понимал, что выгляжу донельзя глупо и нелепо, но ничего не мог с собой поделать, и потому продолжал ждать, стиснув зубы и заглушая голос разума. Я невольно вторгался на запретную территорию, и мне было немного страшно, хотя я до конца не отдавал себе отчет, чего именно я боялся. Запах неизвестного растения плотно обволакивал меня, и мне казалось, что я сойду с ума, если останусь здесь еще хоть на минуту.

Но я взял себя в руки, справившись с приступами дурноты. Стемнело, стало плохо видно, и я хотел подойти поближе, но тут дверь дома, где жила Тереза распахнулась, и отту-

да вышла толстая тетка в джинсах и майке. В зубах ее торчала сигара. Я невольно усмехнулся. Она показалась мне похожей на пирата, так гротескно она выглядела.

Тетка встала в дверном проеме, подперев мощным торсом косяк и задымила сигарой, пуская сизый дым вверх. Я напрягся. Внутренний голос всюду кричал, что мне лучше сейчас уйти, пока еще не поздно, и оставить все, как есть, но я не желал его слушать.

Вдруг откуда-то сбоку показался силуэт. Когда он вошел в зону, освещенную светом из двери, я увидел, что это мужчина, иностранец. Он был не очень молод, но и не стар. Скорее всего, англичанин. Я понял это, услышав обрывки его речи. Он о чем-то беседовал с теткой, она бурно жестикулировала. Кажется, они вели разговор о деньгах, и было очень похоже, что они торговались. Наконец тетка бросила сигару и крикнула что-то в сторону помещения. Я замер. Я услышал имя. Это имя стучало у меня в висках, и я боялся поверить своим ушам. Но через пару минут из комнаты вышла Тереза, наряженная, как кукла. На ней было открытое короткое платье, обнажавшее плечи, с глубоким декольте. Волосы свободно спускались на спину, а губы были накрашены яркой помадой. Я совершенно отчетливо видел все это, потому что она стояла на свету, в проеме двери, а я смотрел на нее из темноты. Увидев Терезу, мужчина замолчал, оценивая ее, а потом отсчитал наличные и взял ее за руку. Тереза спокойно пошла с ним, он обнял ее за талию, и они ушли вглубь

квартиры, исчезнув из поля моего зрения. Тетка тоже ушла, оставив дверь приоткрытой.

Я был раздавлен. Я был уничтожен. Мне хотелось вышибить эту дурацкую дверь одним ударом и затолкать сигару прямо в глотку толстой тетке Терезы. Я все понял теперь. Я понял, почему Тереза все время спешила домой, и боялась тетку. Понял, почему она была так занята по выходным.

Невдалеке я заметил скамейку, и больше не заботясь, что меня увидят, сел на нее, продолжая тупо наблюдать за домом, сам не зная, зачем. Англичанин вышел примерно через час. За ночь приходили еще четыре посетителя, все они были иностранцы. Когда начало светать, тетка Терезы закрыла дверь на замок, и я понял, что прием окончен.

Во мне бурлили совершенно противоположные чувства — это была и любовь, и жалость, и отвращение, и тоска, и ненависть, и обида... Эти чувства разрывали меня на части, и я заплакал. В первый раз в жизни. Мне казалось, что я не способен пережить такое предательство, хотя, собственно, в чем меня предали, я не смог бы уточнить.

Тереза никогда ничего не обещала мне, не клялась в верности, и любви до гроба. Это я сам придумал себе ее неземной образ и воспарил в своих мечтах так высоко, что теперь упасть на землю было очень больно. Как говорится, не хотите разочароваться, не очаровывайтесь. Я забыл это правило, и теперь жестоко поплатился. Я был так очарован, что ничего не замечал, кроме своей любви. Я не видел Терезу, не

видел живого, другого человека, я видел только себя в ней. Я придумал ее, и когда справедливое возмездие покарало меня, я растерялся и впал в ступор. Мысли одна нелепее другой вихрем носились в моей голове, и я совсем расклеился. Я хотел умереть тут же, возле ее дома, чтобы утром она нашла меня и осознала как низко она пала. Я мечтал увидеть, что она уходит в монастырь, и понять, что не зря принес себя в жертву, спасая заблудшую душу. Потом мне просто хотелось утопиться в море и быть съеденным акулами, и еще всякая несусветная дребедень. Я поплелся домой, зная, что если утром меня не будет в номере, поднимется переполох.

В комнате я не стал зажигать свет, а кинулся одетый на кровать. Мой сосед уже спал, или делал вид. Во всяком случае, он ничего не спросил у меня утром, хотя мой вид говорил сам за себя. Алкоголем от меня не пахло, и один Бог ведает, что он там подумал.

Было воскресенье, и у нас объявили выходной. Мы могли свободно побродить по городу, сделать снимки, купить подарки родным. Через пару дней мы уезжали, и, в общем, все дела были уже закончены.

С утра я выпил кофе и бесцельно шатался по городу в полном одиночестве. Меня звали отметить отъезд, но я отказался, грозя прослыть занудой и высокомерной выскочкой. Но мне было все равно.

Я не мог ничего объяснить им, таким счастливым и веселым, и предпочел испортить свою репутацию. Только мой

сосед по комнате, его звали Женей, как-то странно посмотрел на меня, но опять ничего не сказал, предложив только выпить с ним по рюмочке виски. Я согласился, и мы выпили отличный виски, который он достал из своего чемодана. Он объяснил, что привез его с собой, надеясь понемногу расслабляться вечерами, да как-то не случилось найти подходящей компании. Я удивленно воззрился на него, силясь понять, что за компания такая особенная была ему нужна, но быстро выбросил это из головы, занятый своими мыслями. Мы выпили еще, и я отделался от него без всякого сожаления. В моем воспаленном мозгу созрел план.

Я не мог так просто уехать, не увидев еще раз Терезу. Я пересчитал наличность в моем кармане, взял все, что у меня было, и, вышел из гостиницы. До вечера я слонялся по городу, заходя в магазины и кафе, а с наступлением темноты отправился к дому Терезы. Я занял наблюдательный пункт на скамейке и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Не знаю, откуда они брали клиентов, возможно, этот адрес давали в кафе, где работала Тереза. А может, у них были свои люди в гостиницах и ресторанах, кто знает? Да разве это было важно? Пожилой иностранец, пугливо озираясь, показался на улице. Я подскочил к нему, пока тетка Терезы его не заметила, и окликнул по-английски. Он вздрогнул, но остановился.

– Привет! Не найдется закурить? Я уронил свои сигареты, ужасный мрак, не могу найти. Что за черт!

Он дружелюбно закивал, сверкнув белозубой улыбкой явно искусственного происхождения.

– О кэй, – и полез за пачкой сигарет.

На чистом английском я рассказал ему, что немного заблудился, осматривая город, и спросил его, как пройти к набережной. Пока он обстоятельно объяснял мне, как лучше это сделать, я лихорадочно думал, как задать ему тот вопрос, который меня интересовал.

Потом я спросил его, откуда он, и он сказал, что из Германии, приехал по делам. Не зная, что еще придумать, и не желая терять время понапрасну, я прямо в лоб спросил его, не знает ли он, где можно найти хорошенькую девочку? Я сказал, что рассчитывал поразвлечься здесь, мне сказали адрес, но я его потерял. Только помню, что это где-то близко отсюда. Он недоверчиво посмотрел на меня, потом заговорщически подмигнул, и сказал, что знает адрес. Но только после него, потому что он как раз направляется туда, и очень хорошо, что он меня встретил, потому что в этой стране никогда не знаешь, чего можно ожидать от местного населения. А у него жена и трое детей, которых он очень любит. Ну, а вдвоем, не так страшно. Я закивал, выражая полное согласие. Мы подошли к дому Терезы, где ее внушительная тетка уже стояла в дверном проеме, и мой нечаянный друг обратился к ней на английском. Она назвала цену. Я вздохнул с облегчением – сумма была совсем небольшой.

Хотя с другой стороны, мне стало горько за то, что Тереза

соглашается на это за такую мизерную сумму, часть из которой, и я уверен, не меньшая, отходит ее тете. Мой знакомый попросил показать девушку, и тетя крикнула Терезу. Я отошел в тень, чтобы меня не было видно. Тереза вышла из комнаты, покачиваясь на высоких каблуках, с красным цветком в темных волосах. Немец восхищенно поцокал языком, вручил тете деньги, и ушел с Терезой в комнату.

Я вышел из тени, и сказал тете на испанском, что хочу получить девушку на всю ночь. Тетя недобро воззрилась на меня, будто сомневаясь в моей платежеспособности. Я повторил просьбу и попросил назвать цену. Она нехотя сообщила мне. Эта сумма не была большой даже для меня, но я добавил еще несколько песо, чтобы смягчить ее, сказав, что девушка очень понравилась мне. Она оттаяла, деньги сделали свое дело, и велела мне подождать в доме. Она провела меня в холл, где стоял выдавший виды диван, и усадила меня на него. Через час немец вышел, а тетя жестом пригласила меня входить. Трепеща от страха и от своей дерзости, я вошел в комнату. Тереза сидела на кровати в одних чулках и нижнем белье, закинув ногу на ногу. Увидев меня, она вскочила, пытаясь прикрыться халатиком, небрежно висевшим на спинке стула, но я отбросил его, заставив ее стоять передо мной так, как она стояла перед клиентами. Я хотел, что ей было стыдно, чтобы она зарыдала и стала просить у меня прощения, но она только пожала плечами и снова села на кровать. Я сел рядом. В моей голове родились тысячи жестоких слов, гото-

вых вырваться наружу, но я молчал. Молчала и она. Потом она вдруг обняла меня за плечи, как маленького, и положила голову мне на плечо. Я только и смог выдавить из себя:

– Тереза... Господи!

Она посмотрела на меня своими глубокими, черными, как омуты, глазами и спросила:

– Зачем ты пришел?

– Я хотел тебя видеть... я не мог так просто уехать...

– Все было так хорошо... зачем все портить? Я всегда бы помнила о тебе. Разве этого мало?

– Кому как. Зачем ты делаешь это?

Она удивленно посмотрела на меня.

– Я же говорила тебе – мне нужно кормить семью. Мне очень повезло, что тетя согласилась приютить меня и нашла мне работу.

– Вот эту работу?!

– И эту тоже. Ты ничего не понимаешь. Ты придаешь этому слишком большое значение. Это всего лишь способ заработка, и ничего больше.

– Тереза! Что ты говоришь!? Неужели тебе не противно?!

Все эти люди, старые, молодые...

Тереза задумалась, а потом посмотрела мне прямо в глаза.

– Я не люблю никого из них, если ты об этом... Но мне нравится заниматься любовью. Здесь нет ничего ужасного. Я хочу накопить денег и уехать. Зачем ты копаешься в моей жизни?

– Потому что я люблю тебя, разве это не понятно?

– Ты скоро уедешь и забудешь меня, нельзя заставить любить себя, а потом бросить. Я уже говорила тебе. Это очень, очень жестоко. Просто давай займемся любовью. Мы будем вспоминать друг о друге... – Она поцеловала меня в губы, – если ты меня любишь...

Я не мог сопротивляться. В глубине души я знал, что она права, и это ее жизнь, куда меня не приглашали, а я вторгся и пытаюсь качать права. Я, конечно, уеду, а она останется. Так пусть же и воспоминания будут приятными. Мы занялись любовью. Я был очень ласков и нежен с ней, хотя собирался быть грубым. Но она победила меня, и я сдался.

Я сообщил Терезе, что заплатил за всю ночь. Она достала из тумбочки две сигареты и протянула одну мне.

– Что это?

– Особенная сигара, – увидев мой испуганный взгляд, она улыбнулась. – Не бойся. Она очень слабая. Просто ты будешь смотреть на жизнь немного проще. Тебе стоит расслабиться немного. – Она затянулась и дала прикурить мне. – Это отличная штука.

Я вдохнул дым. Голова закружилась, но потом напряжение отпустило меня, и я почувствовал легкость. Все мои несчастья отступили на задний план, я даже вдруг решил, что совершенно напрасно расстроился так. Ничто не может помешать мне любить Терезу и в один прекрасный момент забрать ее отсюда. Все можно изменить, если очень захотеть.

Я чувствовал себя всемогущим. Я полностью оправдал Терезу, и поклялся, что буду любить ее, несмотря ни на что.

Я затянулся еще и посмотрел на Терезу. Она лежала на смятых простынях, запрокинув голову, глаза ее были закрыты. Мной снова овладело желание, я поспешил его удовлетворить. Сигара действовала на меня умиротворяющее, и секс приобретал какую-то особенную, неповторимую окраску. Потом мы просто лежали рядом, делая редкие затяжки. Тереза рассказала мне, что тетя не очень хорошая женщина, она эксплуатирует ее на всю катушку, но она до сих пор не догадывается, что ее муж и обожаемые сыночки тоже заглядывают к ней в спальню. А может, и знает, но из жадности молчит? Лучше пусть все происходит здесь, чем на стороне. Сообщая об этом, она издала вульгарный смешок. Я и это простил Терезе. Отличная вещь – сигара. Жаль, что у нас их трудно достать.

Потом в дверь довольно грубо постучали, и свирепый голос напомнил, что мое время подошло к концу. Я ответил, что уже собираюсь. Мне никак не удавалось попасть в брючину. Тереза вдруг засмеялась.

– Что смешного?

– Ты заплатил за ночь со мной... Разве не смешно? Мы любили друг друга на пляже, а потом ты заплатил, чтобы любить меня здесь... Как глупо.

– Может быть. Но так получилось. – Я начал приходить в себя. – Теперь прощай по-настоящему. – Я снова посмотрел

на нее, и сердце у меня сжалось от непрощенной жалости, от убогости этого жилища и безрадостности ее существования. – Я заберу тебя отсюда, обязательно. Все будет хорошо. Дай ручку.

Она покопалась в тумбочке и достала ручку и два клочка бумаги. Один она протянула мне, на другом что-то быстро нацарапала сама.

– Ты не забудешь?

– Никогда, – я написал ей свой московский телефон и адрес.

– Возьми, – она протянула мне свой кусок бумаги, и я увидел, что это тоже адрес, только немного странный. – Это мой адрес в деревне. Там точно знают, где меня найти... так ты обещаешь?

– Я не смогу забыть тебя, даже если захочу, – мне казалось, что я говорю искренне. Но в ту ночь иллюзии мои развеялись, и я увидел вещи в их истинном свете, хотя это и не помешало мне в дальнейшем выполнить обещание – я не забыл. Я просто не смог забыть, несмотря на то, что действительность оказалась намного зауряднее и банальнее, чем я ее себе представлял. А кто сказал, что она должна быть другой?

В конце концов, наша память не спрашивает нас, что сохранить, а что уничтожить. Некоторые вещи не зависят от нашей воли, и нам остается только принять их такими, как есть, не задаваясь вопросами зачем и почему.

Мой сосед еще бодрствовал, когда я пришел, хотя было уже утро. Сигара немного кружила мне голову, но в целом я пришел в себя. На столе стояла бутылка виски, и рюмка, из которой Женя потихоньку потягивал виски.

– Ты как? – Он задал мне вопрос, не поворачивая головы.

– Нормально. Чего не спишь?

– Не охота. Садись, посидим.

Я взял рюмку и плеснул виски себе. Мне не хотелось, чтобы он заметил, что я возбужден. Понемногу мы разговорились. Женя оказался сыном каких-то шишек, он не стал уточнять, каких, а я не настаивал. Кажется, он даже немного стеснялся этого, и меня это подкупило. Он говорил, что многие ищут корысть в дружбе с ним, засыпают его просьбами, едва успев познакомиться, а ему это претит. Он был замкнутым парнем, и тяжело сходилась с людьми, а из-за родителей близких друзей у него совсем не было. Я посочувствовал ему, потому что сам никогда не имел таких проблем. Женя признался мне, что Куба ему очень понравилась, он спросил про мой очерк, и я неопределенно повертел рукой.

– Да так... не очень пошло, если честно. Сам не знаю, почему.

Все это время я усиленно думал, рассказать ему про Терезу, или нет, так как желание поделиться хоть с кем-то буквально снесло меня. Но потом здравый смысл взял верх, и я решил молчать. В конце концов, он мог оказаться доносчиком, и шепнуть кому следует о моей связи, а это было ни к

чему. В принципе ничего криминального здесь не было, но никогда не знаешь, как это могут повернуть те, к кому попадают эти сведения.

Мы допили бутылку, посидели еще, любуясь предрассветным городом, и легли спать. Утром мы прошлись по магазинам, купили подарки, поснимали немного, и отправились в отель, собирать вещи.

Чем дальше я удалялся от Острова Свободы, тем в более удаленный уголок памяти перемещались мои воспоминания. Я еще грустил, но свидание с родиной уже будоражило меня. Я вдруг отчетливо понял, что никогда не вернусь сюда, и никогда не увижу больше Терезу. Это попросту невозможно. Эта мысль была такой ясной, что я даже вздохнул с облегчением, как будто сбросил с плеч тяжелый груз. Слишком много «но» стояло между нами. Слишком разным мирам мы принадлежали, и я чувствовал, что мне не под силу с этим справиться. Может, я не достаточно сильно любил ее? Возможно. Все перепуталось у меня в голове, и я уже ничего не мог сказать наверняка. Но теперь—то я твердо знаю, что просто предал ее в тот миг, когда самолет оторвал колеса от взлетной полосы. Я смалодушничал, прикрывшись трудностями общения, огромными расстояниями, лежавшими между нами, и просто отказался от Терезы и своей любви. Тогда я думал, что единственно правильное решение, продиктованное безысходностью и самим нашим существованием. Но, оче-

видно, за все в жизни придется заплатить рано или поздно, какими бы благими намерениями не были продиктованы наши так называемые разумные поступки. Предательство всегда останется предательством, в какие бы нарядные одежды оно не рядилось.

Все эти воспоминания чередой проходили перед моими глазами, я присел на скамейку и снова закурил. Девушка, которая вызвала призраков из моей памяти сидела напротив меня и разговаривала по телефону. Я убеждал себя, что этого не может быть, что прошло больше двадцати лет, и Тереза уже давно не молодая девушка, но сердце мое учащенно билось. Девушке, привлекшей мое внимание, было не больше 25, но мне показалось, что это Тереза внезапно предстала перед моими глазами, чтобы спросить меня, почему я не забрал ее с собой? Я не знаю, точно ли я помнил ее лицо, потому что я не смог бы извлечь его из памяти произвольно, но, увидев это лицо, мне показалось, что я не мог ошибиться – сходство было потрясающим. Конечно, не могло быть, чтобы она имела хоть какое-то отношение к Терезе, это было просто невозможно, но... извечное «но».

Все события моей молодости вдруг поднялись со дна памяти, и я понял, что никогда и не забывал их. Я смотрел на девушку, она говорила по телефону. Я слышал легкий акцент, она смеялась, бросая на меня косые взгляды, в которых читалось недовольство. Я понял, она думает, что я при-

слушиваюсь к ее разговору, и мне стало неловко. Я встал и пошел домой – хватит будить призраков, добром это не закончится. Я сделал невероятное усилие над собой, чтобы не обернуться, и не посмотреть на нее. Какое-то время ее голос еще доносился до меня, а потом шум улицы заглушил его.

Дома я заварил кофе трясущимися руками, они всегда немного дрожали, когда я волновался – у меня были проблемы с сердцем. Я выпил пару чашек, и лег на диван. Оказалось, что не так легко избавиться от своих демонов. Что же было потом? А потом почти ничего не было. То есть, конечно, было, но все это можно было бы назвать одним словом – суета сует.

Я написал дрянной очерк, пафосный и фальшивый, но насквозь проникнутый духом патриотизма. Лучшим он, конечно, не стал, но меня похвалили, и выставили «отлично». И на том спасибо. В передовую газету я, разумеется, не попал, но зато поступил в аспирантуру и одновременно работал внештатным корреспондентом в заштатной газетенке. С Женей мы поддерживали приятельские отношения, я мог бы называться его единственным близким другом. В определенный момент, несмотря на все мои возражения, он помог мне попасть в редакцию довольно приличного журнала, где я получал хорошие по тем временам деньги. Аспирантуру я благополучно закончил, написал кандидатскую, и остался преподавать в университете.

Самого Женьку отец пристроил куда-то в госучреждение

с перспективой карьерного роста. Так мы и катились по жизни скорее по инерции, лишённые страстей и наивно полагавшие, что теперь—то мы застрахованы от неприятных случайностей. Мы ценили стабильность и устойчивость нашего растительного существования, даже не подозревая, что это колосс на глиняных ногах. Эта погоня за должностями и зарплатами поглотила нас целиком, не оставляя места ни для чего другого.

Я женился на сестре Жени, Насте, наполовину по расчету, наполовину по любви. Настя нравилась мне, она была симпатичной и веселой девушкой, да и Женя весьма недвусмысленно дал мне понять, что очень даже не против видеть меня своим родственником. И я подумал, а почему бы и нет? После Терезы я уже не мог, как ни пытался, испытывать такую страсть, и по большому счету мне было все равно. А с Настей мне было хорошо, она тепло относилась ко мне, и я даже подозревал, что она меня искренне любит. Мы сыграли свадьбу, родители Насти сделали нам квартиру, где мы и поселились сразу после торжества. Сначала все шло хорошо, я даже мог бы назвать себя счастливым. У нас родился сын, Матвей. Настя была просто сумасшедшей матерью. У меня давно сменился и адрес, и телефон, и я совершенно не рисковал получить весточку от Терезы. Иногда хандра накатывала на меня, но я успешно с ней боролся с помощью кубинских сигар, которые доставал мне один приятель по страшному благу. Но я никогда не переходил черту, и это мое увлечение

так и осталось тайной для моих родных.

Потом случилась перестройка, и все пошло кувырком. Женины родители лишились своих постов, и стали самыми обычными пенсионерами. Сам Женя каким-то чудом удержался на своем посту, но сильно потерял в заработке. Журнал, где я работал, тоже дышал на ладан, и я был вынужден уйти оттуда.

Настя работала врачом в детской больнице, имея мизерный заработок, и я подрабатывал, где только мог, и таксистом, и грузчиком, и писал статейки для всех подряд изданий, что-то там перепродавал, не бросая, однако, свою преподавательскую деятельность.

А потом мы с Женькой взяли кредит и открыли свое дело – типографию. Потом мы начали издавать журнал, и немного заниматься недвижимостью. Неожиданно занятие недвижимостью стало приносить очень неплохой доход, и мы даже смогли расшириться. Вскоре это занятие стало основным источником наших доходов, а типография и журнал – что-то вроде хобби. Хотя они не были совсем убыточными, но, по сравнению с сектором недвижимости, доходы от этой деятельности были мизерными. Но это было единственное, что приносило мне хоть какое-то удовольствие, и связывало меня с моей профессией, поэтому я не мог согласиться продать эту часть нашего бизнеса. Женька махнул на меня рукой, и так мы и существовали долгие годы.

А когда основные трудности остались позади, Настя ушла

от меня. Я понял и не осудил ее. Она была очень чутким, тонко чувствующим человеком, и, несомненно, понимала, что я не люблю ее. Вероятно, сначала она еще надеялась, а когда последняя надежда угасла, просто ушла. Мне было плохо без нее, но я понимал, что она заслуживает лучшей участи, чем я мог ей дать. Она была достойна любви, а не просто уважения, а этого, увы, от меня она не могла получить. Я искренне пожелал ей счастья в новой жизни, уверив, что в любом случае она может полностью положиться на меня.

Думаю, она до сих пор благодарна мне за это. Я никогда не посмел отказать ей, когда она обращалась ко мне, а когда она вышла замуж, я помогал и ее мужу – все-таки он растил моего сына, и любил мою бывшую жену, так, как я не смог. Отношения с Женькой после развода с его сестрой не испортились, он тоже все понял по-своему, решив, что Настя нашла себе другого. Очевидно, он считал меня страдающей стороной, и всячески жалел и утешал. Чтобы не разочаровывать его, я поддерживал в нем это невинное заблуждение, ведь в чем-то так оно, собственно, и было, если не вдаваться в подробности. Женька был отличным партнером, и, во многом именно благодаря ему, наше предприятие процветало. Недвижимость, как ни странно это кажется на первый взгляд, позволила проявиться всем его скрытым талантам, и торговля ею приносила ему истинное наслаждение. Я купил себе небольшую квартирку, которая и стала моей холостяцкой берлогой на долгие годы. Конечно, после развода

у меня были женщины. Наверное, они любили меня, наверное, и я их любил какое-то время, с кем-то даже пробовал жить. Но все эти потуги восстановить нормальную семейную жизнь, или хотя бы ее подобие, не увенчались успехом, а в последние пару лет я мог похвастаться только несколькими случайными связями. И вот теперь эта девушка, так похожая на мою первую любовь, заставила меня сильно волноваться. Чтобы хоть как-то прийти в себя, я выкурил сигару и погрузился в легкие грезы.

Утром мое вчерашнее волнение зрелого мужчины перед девчонкой, годящейся ему в дочери, показалось мне смешным. У меня были лекции с утра, и я отправился в институт. Стоял ранний май, но было уже очень тепло, и мне совершенно не хотелось домой. Я зашел в кафе, решив немного перекусить.

Увидел я ее сразу, как вошел. Она сидела за дальним столиком, немного в тени, и курила. Очевидно, ждала заказ. Против моей воли сердце заухало в груди, напоминая мне о том, как я был самоуверен и глуп в отношении своих собственных чувств. Ноги сами понесли меня к ее столику. Зачем сопротивляться, если судьба хочет нашей встречи? В конце концов, я был свободен, одинок, и не прочь завести небольшой роман.

Девушка удивленно посмотрела на меня, когда я возник рядом с ней.

– Разрешите присесть? – Я не хотел выглядеть хамом, или,

Боже упаси, навязываться ей.

Она надменно пожала плечами – в принципе, в помещении было много свободных столиков. Я сел. Девушка достала из сумки журнал и принялась читать его, демонстрируя полное пренебрежение к моей персоне. Я позвал официанта и сделал заказ. Девушка попросила принести ей кофе с пирожными. От нечего делать, и не зная, как начать разговор, я присмотрелся к журналу, который читала моя соседка, и улыбнулся в глубине души. По странному стечению обстоятельств, это был именно наш журнал, то есть тот, что мы выпускали на пару с Женькой. Принесли наши заказы, и девушка принялась за еду. Я понял, что тянуть дальше бессмысленно, если я не хочу, чтобы она ушла, оставив меня доедать свой обед в полном одиночестве. Я откашлялся, и она подняла на меня глаза.

– Вам очень нравится этот журнал?

– Ничего. Беру его иногда, чтобы заполнить вакуум.

– Только для этого?

– Ну да. Все журнала одинаковы. Звездные истории, советы по захвату мужчин, по потреблению пищи и так далее. Даже способ изложения примерно один и тот же.

– Интересно услышать мнение человека со стороны.

– Зачем оно вам?

– Просто я издатель этого журнала. После вашей критики мне даже как-то неловко в этом признаваться.

– Да ладно вам. Ничего ужасного. В общем, на уровне.

Иногда даже интересно. – Видимо, она хотела немного смягчить пилюлю.

– Могу я узнать имя своего критика?

– Пожалуйста. Виктория.

– Очень приятно. А меня зовут Стас. Более подробно можете прочитать в строке – главный редактор. – Знаете, Вика... Кстати, можно вас так называть?

– Как хотите. Мне все равно.

– Так вот, Вика, может, нам выпить по бокалу шампанского? За знакомство? Домой совсем не хочется... А вы не спешите?

– Спешу.

– Ну, тогда шампанское откладывается. Я могу подвезти вас до пункта назначения. Надеюсь, это вы мне разрешите?

– Это разрешу.

– Вот и славно.

Мы вышли из кафе и сели в мою машину. Машина была новая, недавно купленная, и я даже гордился ею. Я думал, что мое авто произведет на нее впечатление, но, если это и было так, она ничем не выдала своего восторга. Вика назвала адрес, и мы тронулись с места.

– Вы москвичка? Или приехали? Учитесь, работаете? – Мне хотелось узнать про нее побольше.

– Вам не кажется, что вы чрезмерно любопытны для первого знакомства? Почему я должна вам все рассказывать?

– Потому что вы мне понравились. Очень понравились.

Вика бросила на меня настороженный взгляд.

– Не подумайте ничего плохого. Что ужасного в том, что некоему одинокому мужчине понравилась красивая девушка?

– Да ничего, собственно. Просто немного неожиданно...

– Ну, сие не зависит от нас с вами. Вы сидели в кафе, такая серьезная и задумчивая, что я сразу обратил на вас внимание.

– Вам нравятся серьезные и задумчивые девушки?

– Можно и так сказать. Мне нравятся серьезные и задумчивые девушки.

Вика рассмеялась. И снова сходство с Терезой поразило меня. Этот смех, и привычка немного запрокидывать голову, манера смотреть на собеседника, слегка наклонив голову – все так напоминало Терезу, что я даже испугался. Разве может быть столь совершенное сходство двух совершенно разных людей? Господи! Зачем ты мне послал это?!

Сквозь пелену моих воспоминаний прорвался голос Вики.

– Остановите, мы уже приехали.

Я резко затормозил возле старенькой пятиэтажки, и тупо переспросил:

– Уже приехали? Так быстро?

Вика снова засмеялась.

– Ну, как везли. Да что с вами? Вид у вас какой–то растерянный...

– Ничего, все нормально. Могу я увидеть вас снова? Не спешите говорить нет... Я этого не переживу. У меня проблемы с сердцем, имейте ввиду. Это будет умышленное убийство.

– Ну, раз так... Не хочется быть убийцей, к тому же умышленным. – Вика порылась в сумке и достала ручку с блокнотом. Вырвала оттуда листок, написала на нем что-то и протянула мне. – Вот телефон. Обвинения сняты?

Я взял в руку бумажку и внимательно посмотрел на номер.

– Если вы меня не обманываете, то вы полностью оправданы.

– А если обманываю?

– Тогда ваше преступление имеет отягчающие обстоятельства.

– Я говорю только правду.

– Отлично. Я обязательно вам позвоню. Надеюсь, вы не замужем?

– Нет, не замужем.

– И вас не ждет дома ревнивый жених?

– Не ждет.

– Вот и все выяснили. Про меня вы знаете, что я чудовищно одинок. И морально и физически. Все остальное я расскажу вам при следующей встрече.

– Я уверена, это захватывающий рассказ. Ну, мне пора. Вы весьма забавный тип. – Вика махнула мне на прощание рукой и скрылась в подъезде. Я зашел в супермаркет, купил

пельменей на ужин и поехал домой.

На следующий день я собирался позвонить ей, но почему-то не стал этого делать. Несколько раз моя рука набирала ее номер, но потом я неизменно его сбрасывал. Внутренне я опасался, хотя сам не мог понять чего? Слишком близко призрак прошлого подошел ко мне, и я не мог решить, принять мне этот дар или отвергнуть?

После двухнедельной борьбы с самим собой, я все же подумал, что если я струшу сейчас, остаток жизни мне придется провести, изводя себя за упущенную возможность стать счастливым. Я не смогу простить себе, что не попытался сделать это, лишив себя надежды на веки вечные. Может быть, это искупит или хотя бы смягчит мою вину перед Терезой, которую я до сих пор ощущал? От этих мыслей перспектива дальнейшего существования предстала предо мной в таком мрачном свете, что я решил немедленно позвонить и набрал номер. Вика сразу же сняла трубку.

– Привет? Кто говорит?

– Это Стас. Вы меня еще помните?

– Конечно. У меня не такая короткая память. Тем более, вам никто не говорил, что девушки очень впечатлительны?

– Нет. Я так давно не общался с девушками, что даже забыл, как это делается.

– Вы боялись мне позвонить?

– Чуть-чуть боялся. Но набрался храбрости.

– Не знала, что вы такой стеснительный... Приятно удивлена.

– А я неприятно удивлен. Мне хотелось бы быть более решительным и смелым. У меня планы по завоеванию вашего сердца. Вы догадывались?

– Нет, откуда? Но теперь буду знать.

– Мне хочется увидеть вас...

– Сегодня не могу.

– Давайте завтра. Завтра выходной. Мы могли бы поехать за город. Я знаю там чудесное место, где можно пообедать на свежем воздухе.

– Ладно. Давайте завтра. Прельщает перспектива свежего воздуха.

– Куда мне заехать за вами?

– Туда, где вы меня оставили. Помните?

– Я не смогу этого забыть. Завтра в 13–00 я у вас. Устроит?

– Вполне. Я не сплю долго.

– До свидания. Оденьтесь потеплее.

– До завтра. – Вика положила трубку, а я еще долго слушал гудки, прежде, чем отключиться. Оставалось дожидаться завтра.

В этом тягучем ожидании я провел остаток дня и ночь. Мысли мои путались, перескакивая с одного на другое. Часто я ловил себя на том, что многократно повторяю одну и ту же фразу, а это явный признак стресса. Я спрашивал се-

бя, рад я или нет, и не мог дать вразумительный ответ. Так, промаявшись до 12–00 следующего дня, я вышел из дома. По дороге купил букет гвоздик, чтобы прийти на свидание во всеоружии настоящего джентльмена.

Вика подошла ровно в 13–00, и я про себя отметил ее пунктуальность. Пунктуальность не может не радовать, она доставляет нам истинное удовольствие, потому что говорит об уважении к нам. Я вручил Вике букет цветов, когда она села в машину.

– Милый букет. Куда мы поедем?

– За город. Хочется тишины. Я знаю одно очень хорошее место.

– Я за, – волосы у Вики были распущены, и я увидел, какие они густые и черные. И снова мне на ум пришла Тереза. Я вспомнил запах ее волос, перемешивающийся с запахом моря и тропиков, и снова почувствовал себя молодым и влюбленным. Вика молча смотрела в окно, пока я ехал по шоссе, насилуя двигатель моей новой машины. На миг что-то юношески бесшабашное вселилось в меня, но я устыдился этого, подумав, что должно быть я выгляжу до крайности нелепо. Этаким молодящийся донжуан, возбужденный до крайности при виде молодой самки. Я вообще вдруг стал слишком много думать о том, как я выгляжу в Викиных глазах. От этого было еще хуже, потому что придавало нарочитости и неестественности моему поведению. Но я искренне надеялся, что Вика не особо проницательный людоед.

Через час мы очутились там, куда ехали. Это было небольшое кафе, выдержанное в стиле охотничьего домика. По случаю хорошей погоды столики стояли прямо на веранде из бревен, и мы с удовольствием там расположились.

– Как вам здесь? – Я, конечно, хотел услышать одобрение.

– Приятное местечко.

– Я очень хотел, чтобы вам понравилось.

– Вам это удалось.

К нам подошел официант, и я сделал заказ. Я не хотел признаваться Вике, что почти всех своих женщин, с которыми знакомился, я водил сюда, и прекрасно знаю местное меню.

Пока заказ готовился, мы немного поболтали. Вика рассказала, что окончила институт по специальности переводчик. Испанский, итальянский, английский. Немного знает французский и немецкий. Работает в одной конторе переводчиком, подрабатывает гидом. Почти всю жизнь живет в Москве.

– Почему почти?

– Вы прямо как следователь.

– Давай на ты. Это что, страшная тайна?

– Да нет никакой тайны. Просто не люблю раскрывать душу первому встречному.

– Я первый встречный?

– Пока да. А дальше будет видно.

– Ладно, что за контора, где ты работаешь?

– Зачем тебе?

– Хочу послать тебе цветы.

– Если только в горшках.

– Предпочитаешь горшки?

– Да. Они долго живут. И вообще люблю экзотические

растения.

– Ты сама похожа на экзотический цветок.

– Могли бы обойтись без банальностей.

– Прости. Исправлюсь. Просто у тебя такая смуглая кожа,

что я подумал, что ты не москвичка.

– Может, я не выхожу из солярия?

– Да нет. Это не загар.

– Вы весьма проникательны. Подумайте о смене профес-

сии.

– Уже, пожалуй, поздновато. Придется довольствоваться

тем, что есть.

Принесли наш заказ, и мы приступили к трапезе. Я заказал бутылку шампанского, надеясь, что оно выветрится к тому моменту, как я снова сяду за руль. От спиртного Вика слегка порозовела и раскрепостилась. Я нес какую-то чушь, что-то про журнал, про свой институт, и вообще всякую око-лесицу. Вика весело смеялась, и во мне зародилась робкая надежда, что ей приятно мое общество. Ну, или, во всяком случае, не противно.

Потом мы прогулялись по лесу, постояли возле пруда и покормили уток. Я пытался расспросить ее о семье, но она

уклонялась от разговора, сказав только, что родители простые люди. Я не счел нужным настаивать.

В город мы приехали уже затемно. Я не хотел ее отпускать. Я хотел прояснить все до конца. То есть усилить или свести до минимума ее сходство с Терезой. Я не мог ждать, и поэтому прямо сказал ей:

– Еще не поздно, может, по чашечке кофе? Я живу один...

Она посмотрела на меня долгим взглядом, таким долгим, что я испугался, что она сейчас хлопнет дверью и уйдет навсегда, оставив меня ни с чем. Но тогда я еще не знал, что рок не решает вопросов так примитивно, как ужин за городом и простой хлопок дверью. Не стоило ждать так долго, чтобы отомстить так банально.

– Пожалуй, я выпью чашечку.

Я открыл перед ней дверь автомобиля, и мы поднялись ко мне.

Все, что было в холодильнике, я выложил на стол, и сварил кофе. Достал бутылку коньяка, подаренного мне каким-то приятелем за непонятные заслуги. Коньяк слегка ударил мне в голову. Вика вызвалась помыть посуду, я подошел к ней сзади, и положил руки ей на плечи.

– Как ты относишься к сексу с малознакомым мужчиной старшего возраста?

Вика бросила посуду и повернулась ко мне.

– Я прекрасно отношусь к сексу. Даже с малознакомым мужчиной.

Я позволил себе поцеловать ее, и наш затянувшийся поцелуй привел нас в спальню. И снова я не мог отделаться от чувства, что держу в объятиях Терезу. Мою Терезу. Мою первую, и, возможно, единственную любовь. Вика сняла платье, и я ощутил прилив адреналина в кровь – на ней было ярко-розовое белье...

Как на Терезе в нашу первую ночь в захудалой гостинице. Могло ли быть такое, что она все знала и теперь дразнит меня? Но я отринул эту мысль, как безумную. Все это просто совпадения. Просто совпадения, и ничего больше. Игра моего воображения. Многие девушки любят розовое. Что здесь странного? Но волей-неволей этот цвет будил во мне воспоминания, придавая нашей страсти оттенок фатальности.

Вика оказалась горячей и податливой девушкой. Я любил ее так, как мог бы любить Терезу, я плавал в тумане этой любви, испытывая блаженство. Воспоминания накладывались на реальность, создавая странную смесь восторга и грусти.

Когда мы просто лежали рядом, я силился вспомнить, как это было с Терезой, но не смог. Я забыл. Забыл, и молча страдал от этой амнезии, чувствуя стыд, что даже этого не мог удержать в памяти. Какая была она, Тереза – девушка из моих грез? Что я помнил о ней, кроме ее полустершегося образа? Умная, глупая, добрая, злая? Что она любила, а что ненавидела? Я так был поглощен тогда своим собственным чувством, что совершенно не замечал ее. Мы, собственно,

почти никогда не говорили о ней. Кроме общих сведений и адреса, я ничего не знал. Или не хотел знать. Мне вполне хватало того, что было у нас тогда – танцы, ром, луна, секс. Так я понимал любовь. И именно такой эта любовь осталась в моей памяти. Хрупкая девушка в цветастом платье, пахнущая морем и солнцем. И само море, и само солнце усиливали это чувство, делая его пронзительным и острым.

С тех пор начались наши встречи. Сначала это происходило редко, потом чаще. Наступило летнее затишье, и я начал подумывать об отпуске. Мне очень хотелось поехать куда-нибудь с Викой. Я не на шутку привязался к ней, словно бы судьба неожиданно подарила мне продолжение того кубинского романа. Словно после долгих лет разлуки я обрел, наконец, то, что искал, и нашел в этом покой. Я снова был влюблен и счастлив, и даже Женька это заметил.

– Что, нашел подружку?

Я многозначительно покрутил рукой.

– Колись. Ты расцвел, как майская роза.

– Уж прямо, как роза. Ну, ладно. У меня есть подружка.

– Кто она?

– Не важно. Просто девушка.

– Как зовут?

– Вика.

– Победительница, значит? Смотри, как бы не уложила тебя на обе лопатки.

Эти его слова, брошенный вскользь, потом стали для меня пророческими. Но пока я пребывал в состоянии легкой эйфории и цвел, по выражению моего партнера, как майская роза.

Я хотел поехать в Италию. Почему—то именно эта страна виделась мне полной любовной романтики пристанищем всех влюбленных. Я нашел отличный маленький отель в небольшом городке, этакий приют для любящих сердец, и решил намекнуть Вике на возможность отдохнуть вместе. Я спросил ее, когда у нее отпуск, потому что мог уйти в любой момент. Она сказала, что в августе. Тогда я спросил ее, что она собирается делать, и она пожала плечами.

А на следующую нашу встречу я торжественно выложил перед ней две путевки в полюбившийся мне отель. Я очень переживал, что она откажется под благовидным предлогом, и я буду выглядеть полным дураком, но она согласилась. Даже поцеловала меня в щеку, прошебетав, что всегда мечтала съездить в Италию. Я же, скромно потупив глаза, сказал, что хотел совместить приятное с полезным — предоставить ей возможность попрактиковаться в итальянском. Надо сказать, что чем дольше длилось наше общение, тем больше новых нюансов там появлялось.

Вика совсем не была восторженной романтической девушкой. Она не гнушалась просьбами и не стеснялась напоминать, если я забывал их выполнять. Корысть в отношениях была для меня новой, потому что с Терезой речь ни о чем

таким не шла. Вика постоянно ныла, что скучная работа в ее конторе за гроши ей надоела, и просила меня найти ей место получше. Она теребила меня, чтобы я находил ей крупных заказчиков на переводы, просила свести ее с нужными людьми в издательствах. Я покорно выполнял все ее просьбы, не жалуясь и не раздражаясь. Более того, мне было даже приятно оказывать ей эти услуги, потому что так я чувствовал, что нужен ей. Ну, а в том, что она нужна мне, можно было не сомневаться.

Однажды я намекнул ей, что неплохо было бы, если бы она переехала ко мне. К тому времени я уже знал, что Вика не живет с родителями и снимает квартиру. Мне казалось, что так будет гораздо лучше, во всяком случае, я так наивно думал. Я был уверен, что все женщины, заполучив мужчину в свои сети, так или иначе пытаются привязать его к себе покрепче, утвердиться в своих правах, получить хоть призрачную, но уверенность в том, что завтра их не бросят. Но очевидно Вика думала иначе. Она довольно резко оборвала этот разговор, заявив, что еще не время. При этом у нее было такое выражение лица, что я почел за лучшее больше об этом пока не говорить.

Перед самым отъездом ко мне зашел сын, попросить машину.

– Привет, па. Не одолжишь машину? Я слышал, ты уезжаешь. Решил развлечься?

– Просто хочу отдохнуть. Имею я право?

– Не вопрос. Имеешь. Куда едешь?

– В Италию. А зачем тебе машина? У тебя вроде своя есть...

– Да понимаешь, тут на днях я ехал по делам, ну и ... короче, меня немного зацепило.

– Кто тебя зацепил?

– Столб.

– Круто. Зацепил столб. И как же ты умудрился? Небось, лез в то время под юбку одной из своих не особенно разборчивых девиц?

– Кстати, о девицах... Я слышал, такая не особенно разборчивая девица как раз завелась у тебя.

– Это не твое дело. Я не просил тебя копаться в моей жизни. И потом, что значит, завелась? Она что, таракан что-ли?

– Я и не копаюсь. Не пойму, что здесь скрывать? Ну, извини, выбрал неудачное выражение. Так завелась или нет?

– Не лезь ко мне! Завелась, не завелась... Следи за собой.

– Ладно, ладно, не думал, что это тебя так раздражает. В общем-то, все нормально. Ты свободный, красивый, богатый. Так как насчет машины?

– Бери. Только аккуратно. Чтобы ни одной царапины. А к моему приезду машина должна стоять в гараже. Берегись, если что не так!

– Спасибо. Век не забуду. Без машины никуда.

Матвей окончил институт в прошлом году, и Женька

устроил его в какую-то контору, вроде бы рекламную, я не очень-то вникал. Матвей был доволен, работа ему нравилась, и я особенно не лез в его жизнь. Я немного жалел, что так разговаривал с ним, но после знакомства с Викой я будто бы всегда был слегка взвинчен. Как будто получил укол адреналина с длительным действием. Я не знал, кто сказал ему про Вику, но с другой стороны я прекрасно понимал, что шила в мешке не утаишь, и рано или поздно они должны были встретиться, если, конечно, она меня не бросит. Где-то в самой глубине души, куда даже я боялся заглядывать, я подумывал о женитьбе. Мне пришло в голову, что Вика не хочет переезжать ко мне, потому что надеется на что-то большее, чем просто совместное проживание. Не желая искать истинную причину ее отказа, я уцепился за эту мысль, и она поселилась во мне, все чаще и чаще выныривая на поверхность. Но, как всегда бывает в таких случаях, я, старый холостяк, все время сомневался и колебался, и всегда откладывал это решение на неопределенный срок. К тому же, я не знал про ее планы, она могла снова отказать мне, и тогда я бы почувствовал себя обманутым и отвергнутым. Я боялся этого, боялся причинить себе боль, а может, и еще чего-то большего, чем боль, и просто плыл по течению, предпочитая питаться иллюзией, что я все решаю сам.

Италия встретила нас теплой погодой и веселым гомоном. Мы взяли такси до отеля, и Вика с наслаждением торгова-

лась с шофером. Глаза у нее блестели, и я был чрезвычайно горд тем, что это я доставил ей столько наслаждения. Мне хотелось баловать ее, как маленькую девочку, дарить подарки, да что там подарки, я готов был подарить ей свою жизнь, если бы она того захотела.

Отель был небольшим, но весьма респектабельным. Он врос в скалу на самом берегу, и назывался что-то вроде «Маяк», или «На маяке». Я не пожалел денег на люкс, чтобы поразить Вику, и, когда мы вошли в номер, мне показалось, что это удалось. Она упала на кровать, раскинув руки в стороны и мечтательно зажмурив глаза. Зрелище было таким захватывающим, что я бросил чемоданы на пороге и кинулся к ней. Мне не терпелось заняться любовью, я слышал шум моря, доносившийся из окна и тот особенный морской запах, что бывает только в приморских странах. Все это всколыхнуло во мне воспоминания о моей молодости и моей любви. Я снова был полон любви, надежд, я снова ощущал вкус жизни. Мне казалось, что любовь наполнила меня до краев, и я готов был делиться ей со всем миром.

Потом Вика надела купальник, и мы спустились к пляжу, который находился прямо у подножия отеля. Несмотря на поздний час, здесь еще были отдыхающие, по большей части парочки, которые привлекала теплая ночь и мерное дыхание моря. Вика сбросила халатик и прыгнула в воду с небольшого камня. Вскоре я потерял ее из виду, и страшно разнервничался. Я ходил по каменистому плату взад-вперед, как

нервическая мамаша, потерявшая свое чадо, и ежеминутно смотрел на часы. Вика появилась через 15 минут, мокрая, стройная и красивая. Вода текла с не ручьями, она отжимала волосы, и улыбалась мне. Зубы ее в темноте блестели, как на рекламном ролике.

– Господи! Что за блажь на тебя нашла – плавать в темноте? Я чуть с ума не сошел!

– Не нужно сходить с ума. Я прекрасно плаваю.

– Вижу. – Проворчал я, все еще сердясь. – Где научилась?

– В детстве ходила в секцию по плаванию. Великой спортсменкой не стала, но имею разряд, так что не переживай. Кстати, есть удостоверение дайвера.

– Уж не знаю, кстати ли это.

– Обожаю дайвинг. Жаль, не часто удается поплавать с аквалангом.

– Ты где-то плавала?

– Да, однажды занесло в дайвинг-тур, еще в институте. Незабываемые впечатления. С тех пор не доводилось.

– Ну, какие твои годы...

Она завернулась в халат, и мы уселись на большой плоский камень. Пели цикады, волны плескались о каменистый берег, вдалеке слышался тихий женский смех, я обнял Вику, и счастье снова заполнило меня, грозя выплеснуться через край.

Мы много ездили по побережью, посещая все экскурсии подряд – Вика была жадной до впечатлений. Она впитывала

все это, как будто это была особенная наркотическая смесь. Вика таскала меня по магазинам и ресторанам, заставляя просто сорить деньгами. Я чувствовал, что она не поймет и не примет ни малейшего проявления бережливости и экономии с моей стороны, и поэтому забыл о ценности денег, рассуждая о них как о простой бумаге.

От такого образа жизни я немного устал, и как-то решил остаться в отеле. Было страшно жарко, и я уговорил Вику провести день на пляже. Она неожиданно легко согласилась, и после обеда я лег поспать в номере, а она отправилась загорать. Проснулся я уже под вечер, в комнате было темно и тихо. Я позвал Вику, но она не отзывалась. Тогда я встал и прошелся по нашему люксу. Ее нигде не было. Я не мог представить, где она ходит, и спустился в холл. В принципе, особенно беспокоиться было не о чем, Вика запросто могла заболтаться с кем-нибудь из отдыхающих. Я прошелся по холлу, подошел к бару и сел на диван, взяв в руки журнал.

Чтобы не выглядеть белой вороной я заказал кофе и мартини. Я уже пил мартини, когда вдруг увидел Вику. Она появилась в глубине холла, рядом с молодым человеком, явно итальянцем. Не замечая меня, они уселись на высокие стулья и оживленно болтали. Со своего места я не мог слышать, о чем они говорили, но Вика явно кокетничала. Она преувеличенно громко смеялась, откидывала назад волосы, очевидно намереваясь произвести впечатление. По восхищен-

ному взгляду юного итальянца я понял, что это ей удастся как нельзя лучше. Парень вел себя достаточно фривольно – он похлопывал Вику по руке, теребил ее пальцы, надолго задерживал ее ладонь в своей. Я не мог этого выносить.

Вулкан во мне начинал закипать, грозя извергнуться лавой. В пылу злости я опрокинул на себя чашку с кофе, и громко чертыхнулся. Итальянец повернул голову, и одарил меня недоуменным взглядом. Вика при этом была занята своим коктейлем. Так как я продолжал злобно смотреть на него, он стал часто оборачиваться, и ему было явно не по себе. В конце концов, Вика заметила это и тоже повернулась. Я улыбнулся ей. Она помахала мне рукой, и что-то сказала итальянцу. Он закивал и снова заулыбался, очевидно, успокоившись. Я подумал, что она сказала ему, что я ее папа. Они поболтали еще пару минут, потом итальянец неохотно слез с табурета и ушел, послав Вике на прощание воздушный поцелуй. Она подошла ко мне.

– Что все это значит? – Я кипел негодованием.

– Ничего. Это Марио, он работает на пляже в прокате. И не смотри так, ты пугаешь людей.

– Уж не Марио ли я напугал?

– И его тоже. Он спросил, что за мрачный тип уставился на него?

– Скажите, пожалуйста! Мрачный тип! А ты не сказала ему, что я твой муж?

– Мой муж?! Что за глупость! Конечно, нет. Ты не мой

муж, во-первых...

– А во-вторых?

– А во-вторых, я не твоя собственность. Мы просто болтали. Ты сам хотел, чтобы я практиковалась в языке. Ты ведешь себя как круглый идиот! Что я такого сделала?

– Да нет, ничего. – Я и сам вдруг почувствовал себя страшно глупо. – Прости. Давай сходим вечером в местный ресторан. Я слышал, тут будет живая музыка. Очень хочется выпиться.

– А при чем здесь живая музыка?

– И именно под живую музыку.

– Как хочешь. – Вика еще дулась.

Я допил martini, и мы поднялись в номер. Вика сразу пошла в душ, оставив меня наедине с моими мыслями. Когда она вышла, я сделал попытку обнять ее, но она молча отстранилась.

– Ну хватит, я же попросил прощения...

– Я не сержусь. Просто ты испортил мне настроение.

– Я больше не буду. – Я сам себя не узнавал. Я унижался, я готов был ползать перед ней на коленях, как жалкий червяк, хотя не был ни в чем виноват.

Вика передернула плечами, показывая, что ее раздражают мои самоуничижения.

– Давай не сейчас. Я же согласилась пойти с тобой в ресторан... Давай просто посидим в ресторане.

– Как хочешь. Я готов выполнять все твои желания, даже

самые безумные.

– Это было твое желание...

– А ты не хочешь?

– Хочу. Мне нравится здешняя кухня.

Я немного успокоился и стал выбирать брюки и рубашку, попросив Вику мне помочь. Она равнодушно порылась в моем тряпье и бросила на кровать одежду.

– Думаю, это подойдет. Прилично и не пафосно.

– Согласен.

Мы вышли из номера, почти помирившись.

В ресторане было свежо и уютно. Посетителей было много, но столик на двоих все же нашелся. Он был в самом углу, возле окна. Окно было открыто, и снизу доносился рокот прибоя и запах водорослей. Я церемонно подвинул стул Вике, и когда она села сел сам и взял в руки меню.

Пока наш заказ выполнялся, я попросил принести бутылку вина и бутылку коньяка. Вика удивленно приподняла бровь.

– Я же сказал, что хочу напиться.

Она промолчала. Я налил нам по фужеру вина, и мы выпили. Заиграла музыка, и раздалось пение. Грустная мелодичная песня на итальянском языке. Рояль стоял в другом конце зала и в нашем краю звук был едва слышен. Принесли заказ, и мы так же молча принялись за еду. Вино закончилось, и я принялся за коньяк. Вика пила из своего фужера медленными глотками, наслаждаясь напитком.

– Тебе нравится музыка? – Она в первый раз за вечер задала мне вопрос.

– О да! Превосходный тенор!

– Не юродствуй!

– Я и не юродствую. Мне, правда, нравится. – Я чувствовал, что пьянею.

– Пойдем поближе, в бар. Допьешь свою бутылку там.

Я не возражал. Мы переместились поближе к тенору, но мягкий диван практически возле рояля. Тенор заливался соловьем, я пил, Вика молчала. Я даже не помню точно, сколько это продолжалось, потому что я заказывал еще спиртное, и откровенно напивался. Периодически у меня случались моменты просветления, и я ловил взгляд тенора, пристально смотрящий на Вику. Она улыбалась ему и хлопала в ладоши. Потом я снова погружался в омут беспамятства, а жизнь текла параллельно сама по себе. Вроде бы потом музыка смолкла, тенор сел за наш столик, и они начали беседовать с Викой, но все это я помню очень смутно. Наконец кто-то толкнул меня в бок. Я встряхнулся. Это была Вика.

– Дорогой, ты чрезмерно нагрузился. Нехорошо спать у всех на глазах. Пойдем. – Она взяла меня под руку и сделала попытку приподнять.

На нетвердо стоящих ногах я встал и покорно пошел за ней – я и сам чувствовал, что спать у всех на глазах это очень стыдно. Стараясь не потерять равновесие, держась за Вику, я дошел до нашего номера и рухнул на постель.

– Иди ко мне... – во мне вдруг пробудилось желание. – Но сначала дай мне выпить...

Вика открыла бутылку шампанского, и оно пеной начало вытекать из горлышка.

– Сейчас. – Вика нашла стаканы и разлила в них приятно шипящий напиток.

Мы выпили и поцеловались. Потом она налила новые порции, мы снова выпили, и я начал ее раздевать. Мне даже удалось избавиться ее от платья, но она выскользнула из моих слабеющих рук и упорхнула в ванную. А потом я ничего не помню...

На меня надвинулась темнота и поглотила мой разум. Я провалился в черную яму, такую черную и беспросветную, что даже если очень старательно присматриваться, то ничего не увидишь. Эта абсолютная темнота владела мной бесконечно долгое время, пока не решила отпустить, и я вынырнул на поверхность. Здесь тоже стояла глубокая ночь. Не такая черная, как там, где я был, но все же... Я полежал немного, прислушиваясь к звукам, но, кажется, тишина тоже была абсолютной, как будто я попал в мир предельных величин. Голова болела так, что мне казалось, что мои глаза искрят, как испорченный электрический провод. Я попытался сесть на кровати, и это мне удалось. Вики опять не было, уже второй раз за эти сутки, и я отметил, что это начинает становиться системой. Кое-как я встал и проковылял в ванну. Там я включил душ и долго стоял под ним, приходя в себя. Меня

тошнило. Я пошарил в холодильнике и выпил залпом бутылку минералки. Стало немного легче, и я захотел на свежий воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.